

ждение о «языцах», необходимое ему для рассказа о подвиге героя.

В данном случае, как и во многих других, Епифаний создает особый, ритмически законченный период, неоднократно повторяя слова «языци», «убоятся» и др. Подбирая цитаты, он выделяет те, которые так или иначе способствуют созданию ритмичности.

Явление, которое мы называем словесным орнаментом, встречается в произведениях Епифания и в виде настойчивого повторения одного и того же слова: «...утверди, Господи, на камени твердем, на камени недвижимем, на камени веры, на камени заповедей твоих, на камени исповедания твоего, на камени церковнем; сам бо рекл еси, Господи: на сем камени созижду церковь мою и врата ада не удолеют ей».³⁵

В данном случае «камень» — слово, которое является богословским символом, обозначающим основу веры, оно несет особую смысловую нагрузку, имеет духовный смысл. Вместе с тем повторение этого слова необходимо писателю и для придания языку ритмичности. Повторение такого рода до некоторой степени близко к «мотиву» орнамента.

Автор стремится к созданию определенной симметричности: начинается стилистический период с обращения к господу и заканчивается ссылкой на Евангелие от Матфея (XVI, 18), подтверждающей мысль самого писателя. Епифаний как бы заключает в словесную рамку каждый законченный по содержанию стилистический период, что также сближает словесное плетение с приемами рукописного орнамента.

Таким образом, повторение слова «камень» необходимо Епифанию в нескольких планах: как определяющее главный смысл рассуждения о церкви, для усиления основного значения, в качестве особого украшения текста, для создания ритмичности.

Во времени Епифания Премудрого самоуничижительные отступления писателя становятся обязательными. Во многих случаях они вносятся в произведение по традиции, но иногда, пользуясь этими фразами, изолируясь, изобретая все новые и новые подробности, писатель одновременно выражает и свое отношение к творчеству. Сомневаясь в своих силах, писатель ищет новые пути и стремится в своих исканиях к расширению словарного состава, к обновлению его и к использованию новых стилистических форм. Такого рода сетования по поводу собственного ничтожества содержит сравнение преподобного Стефана с Лазарем и рассуждения Епифания на эту тему.

В Евангелии от Луки есть притча о двух Лазарях: о Лазаре — человеке добродетельном и богобоязненном, которого господь приводит к вечной жизни и спасению, и о другом Лазаре, нечестивая жизнь которого, забвение им бога и близких готовит ему вечную гибель и мучения после смерти.

У Епифания Премудрого Стефан ассоциируется с Лазарем нищим, обретшим счастье и добро после смерти: «...ты убо, ако он добрый Лазарь нищий почевашеши ныне...».³⁶ Самого себя Епифаний уподобляет Лазарю, наказанному богом за забвение веры и корыстолюбие (разумеется, что Епифаний и не мыслит о забвении им веры).

Это сравнение дает возможность писателю произнести еще один самоуничижительный монолог: «Аз же окаанный, акы богатый он пламенем пеком сыи; увый мне, бык богат грехы и лишенный всякого добра и студных дел исполнен, собрах многообразное бремя греховное, тлетворные страсти и душевные вреды, сия вся снискав и собрав, сокровище себе

³⁵ Житие Стефана Пермского, стр. 99.

³⁶ Там же, стр. 101.